

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СМЕРТЬ РАСПУТИНА
7

Князь и мужик
9

Убийство
36

ПРАВДА
О «КОШМАРНОЙ НОЧИ»
68

Эпилог
89

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СМЕРТЬ НИКОЛАЯ II
107

Последний дом
109

«ПОБЕГ»
152

ПРИГОТОВЛЕНИЕ
К УБИЙСТВУ
177

РАССЛЕДОВАНИЕ
НАЧИНАЕТСЯ
206

ГОСТЬ
254

ЭПИЛОГ
294

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СМЕРТЬ СТАЛИНА
313

ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРАХА
315

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
АПОКАЛИПСИС
355

СМЕРТЬ
ИЛИ УБИЙСТВО?
392

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СМЕРТЬ РАСПУТИНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (НИКИ) —
император всея Руси

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА (АЛИКС) —
императрица всея Руси

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН
(Мужик, Старец, Наш Друг)

АЛЕКСАНДР ТРЕПОВ —
председатель Совета министров

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ — *великий князь*

ИРИНА — *жена Феликса Юсупова,
племянница Николая II*

Почитательницы Распутина:

АННА ВЫРУБОВА

МАРИЯ ГОЛОВИНА (МУНЯ)

Заговорщики:

ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ — *великий князь*

ВЛАДИМИР ПУРИШКЕВИЧ — *депутат
Государственной думы*

ФЕЛИКС ЮСУПОВ — *князь*

АЛЕКСАНДР СУХОТИН — *поручик*

СТАНИСЛАВ ЛАЗОВЕРТ — *врач*

КНЯЗЬ И МУЖИК

«ЭРА ПОКУШЕНИЙ» НАЧИНАЕТСЯ

Не зря императрица Александровна Федоровна видела страшный сон... Именно тогда, в начале ноября 1916 года, Феликс Юсупов возобновил знакомство с Распутиным.

На следствии по делу об убийстве Юсупов показал: «После большого перерыва... я встретил Григория Распутина в ноябре месяце в доме Головиной». Это подтвердила и Муня: «В 1916 году в ноябре месяце князь Юсупов встретил Распутина у меня на квартире».

Вот версия из воспоминаний Феликса: «Мне позвонила М. Г. (Муня Головина. — *Э.Р.*)... «Завтра у нас будет Григорий Ефимович, ему очень хочется с вами повидаться...» Сам собой открывался путь, по которому я должен действовать... Правда... идя по этому пути, я вынужден обманывать человека, который искренне ко мне расположен».

Скорее всего, Феликс написал неправду. Тогда, в ноябре 1916 года, уже началась охота за Распутиным. И, видимо, существовал план, в котором несчастной Муне было отведено важное место. Ей предназначалось сыграть роковую роль в гибели того, кому она так поклонялась... И конечно же Юсупов сам позвонил ей. «Феликс жало-

вался на боли в груди», — показала Муня в «Том Деле». Своими жалобами на болезнь, которую не могут вылечить доктора, он легко вызвал с ее стороны предложение устроить встречу с великим целителем. Феликс знал о давней мечте Муни соединить двух людей, которых она так бескорыстно и преданно любила...

И они встретились на квартире Головиных — князь и мужик. «С тех пор, как я первый раз его видел, Распутин очень переменялся, — вспоминал Юсупов. — Его лицо стало одутловатым, и он весь как-то обрюзг. Одет он был не в простую поддевку, а в шелковую голубую рубашку и бархатные шаровары. Держал он себя очень развязно... Меня он поцеловал». На сей раз князь от поцелуя не уклонился.

Накануне Муня в разговоре с Распутиным назвала Феликса «маленький» — в отличие от «большого» Феликса Юсупова, его отца. Распутин, обожавший клички, тут же это прозвище подхватил. Так он и звал отныне князя.

После этой встречи Феликс начинает, по его словам, подыскивать соратников для будущего убийства. «Перебирая в уме друзей, которым я мог доверить свою тайну... я остановился на двоих из них. Это был великий князь Дмитрий Павлович и поручик Сухотин... Я был уверен, что великий князь меня поддержит и согласится принять участие в исполнении моего замысла... Я знал, до какой степени он ненавидит «старца» и страдает за Государя и за Россию». И Феликс просит Дмитрия о встрече. «Застав его одного в кабинете, я немедленно приступил к изложению дела. Великий князь... сразу согласился и сказал, что уничтожение Распутина будет последней и самой действенной попыткой спасти погибающую Россию».

Думаю, тут Феликс сообщает нам всего лишь будущую легенду о том, что убийство Распутина было задумано им одним, а великий князь лишь присоединился... Скорее

всего, было иначе. Великий князь Дмитрий и Феликс, два очень близких друга, решились на то, о чем в Романовской семье много говорили, но никто не смел исполнить — уничтожить Распутина. *И решение убить, судя по всему, исходило именно от Дмитрия*, этого бравого гвардейца, который, как справедливо писал Феликс, ненавидел «старца», а отнюдь не от штатского Юсупова. Хорошо знавшая обоих Элла напишет: «Феликс, который и мухи-то не обидит... который не желал быть военным, чтобы не пролить чей-то крови».

Но в коварстве задуманного плана чувствовалась рука Феликса, древняя кровь беспощадных татарских ханов...

Об их решении конечно же знали в Романовской семье. Недаром Феликс писал «о заговоре», недаром царь потом напишет великим князьям: «Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан...»

Во всяком случае, отметим странное совпадение — за 10 дней до убийства Распутина великая княгиня Елизавета Федоровна вдруг покинет Петроград. И не просто покинет — уедет молиться в монастырь. И не просто в монастырь — в Саровский монастырь, где покоились мощи святого Серафима, считавшегося покровителем Царской Семьи. Она будто знает — должно случиться что-то важное и страшное для Семьи, и едет молить за нее Бога и святого Серафима...

Впоследствии Элла напишет царю: «Я поехала в Саров и Дивеево... 10 дней я молилась за вас всех — за твою армию, страну, министров, за слабых душою и телом, и в том числе за этого несчастного, чтобы Бог просветил его...» Да, она молилась за «несчастливого» Распутина, просила Бога просветить его, чтобы тот избежал неминуемого, о котором она *знала*... Молилась она и за тех, кто решились пролить кровь, за своих воспитанников: Дмитрия, жив-

шего в ее семье до гибели мужа, и Юсупова, которого она любила, называла «Мой маленький Феликс»...

Но обсуждение плана убийства на короткий срок было прервано. Великому князю надо было вскоре возвращаться в Ставку. Но оба знали, что Дмитрий там надолго не задержится, ибо «его не любят и боятся его влияния». И это было правдой — вспомним письма Аликс.

Феликс упоминает рассказ великого князя о том, как тот «заметил, что с Государем творится что-то неладное. С каждым днем он становится все безразличнее к окружающему... по его (Дмитрия. — Э.Р.) мнению, все это следствие злого умысла... Государя спаивают каким-нибудь снадобьем, которое притупляюще действует на его умственные способности». По распространенной тогда легенде, Распутин и царица при помощи тибетских лекарств доктора Бадмаева поработили волю царя.

Так заговорщики «накачивали» друг друга, объясняя самим себе необходимость спешно исполнить свою миссию.

Между тем у безразличия царя было другое, куда более реальное основание.

ЕЩЕ ОДИН ПРЕМЬЕР

Накануне сессии Думы правые предложили Николаю свое разрешение ситуации, которая становилась все более угрожающей. Князь Римский-Корсаков, член Государственного Совета, в доме которого собирался тогда узкий кружок правых аристократов, передал Штюмеру «записку» для царя: «Так как сейчас нет сомнений, что Дума вступает на явно революционный путь... Дума должна быть немедленно распущена без указания срока ново-

го ее созыва... Имеющаяся в Петрограде военная сила представляется вполне достаточной для подавления возможного мятежа».

Но Штюмер не рискнул передать «записку». Он тоже видел странное безразличие Государя и лишь доложил о настроениях защитников престола. Николай равнодушно выслушал премьера и приказал... открыть сессию Думы.

Царь становился все более бездеятелен, потому что понял безвыходность положения. Он читал отчеты тайной полиции и отлично знал про зреющий всеобщий заговор. Но он устал от этой бесконечной борьбы *и решил отдать им власть*. И уйти в частную жизнь, чтобы оставили в покое сходящую с ума от яростной деятельности и безумных предчувствий жену. И мужика, который помогал их Семье выжить, лечил и Аликс, и сына...

Теперь Николай уже сам желал неминуемого, а пока вяло пытался успокоить кипевшую Думу, в который раз безнадежно перетасовывал правительство... 10 ноября вместо ненавистного Думе Штюмера он назначил премьером Алексея Трепова — выходца из знаменитой семьи правых бюрократов. Его отец Федор Трепов был Петербургским градоначальником, брат Дмитрий в свое время занимал пост министра внутренних дел... Но бедному новоиспеченному премьеру с трудом удалось произнести свою первую речь в Думе — его освистали. Депутаты не хотели подачек от власти, они требовали создания своего Совета министров, ответственного перед Думой. Тогда Николай решил пойти на последнюю уступку — отдать Протопопова (Родзянко успел ему многое рассказать о полубезумном министре).

10 ноября царь писал Аликс: «Ты, наверное, уже будешь знать про перемены, которые крайне необходимо теперь произвести... Протопопов — хороший человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения... Говорят, не-

сколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни... Рискованно оставлять министерство в руках такого человека в такие времена... Только прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга... Ответственность несущая и поэтому желаю быть свободным в своем выборе».

Он лишь умолял жену не заклинять его словами мужика. Но она поняла — Ники решил покончить с «царско-сельским кабинетом», который должен был их спасти. Он решил вновь обратиться к «гадким людям», мечтающим ограничить царскую власть. Его опять обманут!

И «быть свободным в выборе» она ему не позволила. В дело тотчас вступили советы «Нашего Друга».

«10 ноября... Еще раз вспомни, что для тебя, для бэби и для нас... тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы Нашего Друга... Протопопов чтит Нашего Друга, и потому Бог будет с ним... Штюрмер трусил, месяцами не виделся с Ним... и вот — потерял почву под ногами... Ах, милый, я так молю Бога, чтобы Он просветил тебя, что в Нем наше спасение — не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами... Прошу тебя ради меня — не смей никого до моего приезда...»

Аликс приехала в Ставку, и царь... оставил Протопопова.

Он еще раз сдался. И еще раз понял безнадежность ситуации.

Он очень устал.

Новый премьер Трепов начал точно также, как его предшественники, как недавно павший Хвостов. Он решил успокоить кипевшую Думу, а для этого — удалить Распутина из Петрограда. Зная о мужике лишь по слухам, Трепов совершил ту же ошибку, которую совершил Хвостов, — задумал его купить.

К Распутину, по поручению Трепова, пришел родственник премьера — генерал Мосолов. Он считал, что умеет говорить с мужиками, и потому принес с собою вина. Распутин вино выпил, и Мосолов от имени Трепова предло-

жил ему отказаться от всякого вмешательства в дела управления государством, в назначения министров. За это щедрый премьер обязался выплачивать мужику целых 30 000 рублей ежегодно.

Так пересказал на следствии этот эпизод Белецкий — со слов самого Распутина. И добавил, что Распутин отказался и тотчас «передал Государыне и царю о предложении Трепова... купить замалчивание всего того, что Распутин считает не отвечающим интересам царей».

Эти глупцы предлагали ему променять место советчика «царей» на жалкие деньги, которые он ни во что не ставил, прокучивал и швырял на ветер!

Так Трепов сразу попал в недоверие к царице, и его судьба была предрешена... «Наш Друг» сформулировал: «Нельзя держать Треповых, фамилия у них несчастливая».

«ОСТАВШАЯСЯ НЕМКОЙ НА РУССКОМ ПРЕСТОЛЕ»

Между тем в Думе произошло невероятное. 19 ноября депутат Пуришкевич, чьи пики усов и лысая голова были известны по газетным портретам всей России, фанатичный монархист, прославившийся бесконечными оскорблениями оппозиции, обрушил громовую речь... на Государыню всея Руси и на мужика у трона.

В 2 часа ночи взбешенный Протопопов передал по телеграфу в Ставку самые опасные куски речи (в архиве я нашел его телеграмму). В газетах эти куски вымарала цензура. Но на следующий день... их повторял весь Петроград, ибо речь Пуришкевича ходила по городу в бесчисленных списках.

«Зло идет от тех темных сил и влияний, которые... и заставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать... От влияний, которые возглавляются